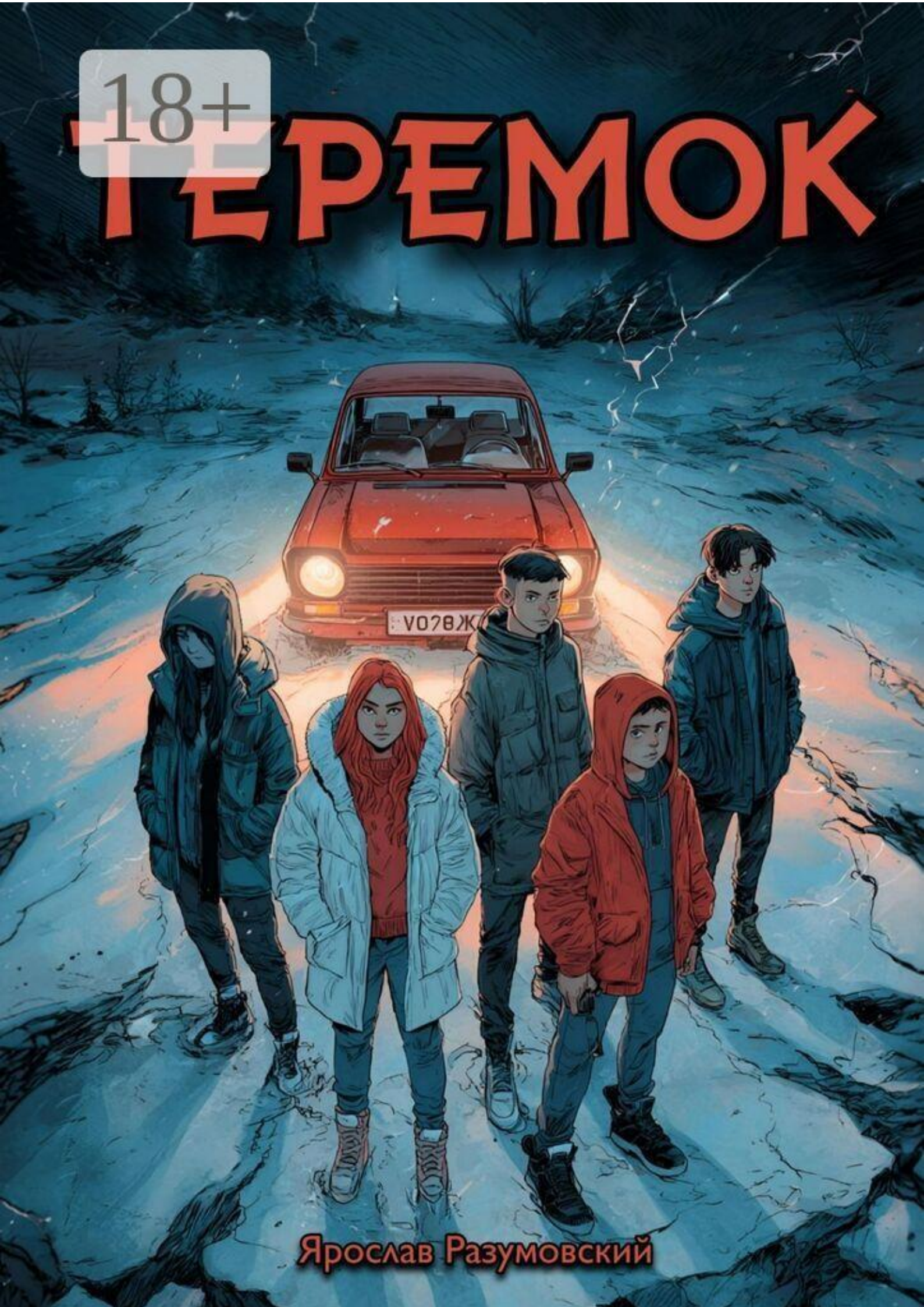
18+

# ТЕРЕМОК



Ярослав Разумовский

Ярослав Разумовский

# Теремок

«Издательские решения»

**Разумовский Я.**

Теремок / Я. Разумовский — «Издательские решения»,

«Раз, два — Теремок! Мышь, закройся на замок!» Для Паши и его новых друзей детская считалочка обернулась кошмаром наяву. В глухом посёлке, где прошлое дышит из-под земли, а настоящее окрашено в оттенки тоски, они стали героями чужой, жестокой сказки. Теперь им предстоит не просто выжить. Им нужно разгадать правила этой игры, где у каждого есть своя роль, а цена ошибки — жизнь.Глубокий, атмосферный мистический триллер о цене дружбы, силе первой любви и монстрах, которых мы носим в себе.Книга содержит нецензурную брань.

© Разумовский Я.
© Издательские решения

# Содержание

Глава 1. Раз, два Теремок 6
Глава 2. Мышь, лягушка и зайчонок 11
Конец ознакомительного фрагмента. 16

# Теремок

## Ярослав Разумовский

© Ярослав Разумовский, 2026

ISBN 978-5-0071-6628-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Глава 1. Раз, два Теремок

— Тучи собираются, — мелькнуло в голове, пока я натягивал любимое худи.

В дверь постучали с той настойчивостью, что не терпит отказа.

— Открывай, Капюшон! — раздался голос брата, натянуто-бодрый, но пропитанный утренней сонной хрипотцой.

— «Капюшон»? — усмехнулся я про себя. — Мне уже пятнадцать, а он всё цепляется за эту детскую кличку.

На пороге стоял усатый силуэт в очках, нагруженный тремя огромными пакетами. Пакеты оттягивали ему руки так, словно в них был запас провизии на неделю для небольшой столовой.

— Держи. Гуманитарная помощь нуждающемуся студенту, — протянул он. Я принял тяжёлую ношу.

Пока я раскладывал по полкам холодильника консервы и пачки пельменей, брат пояснил:

— Думаю, недели на две хватит. Ладно, братец, я на работу. С началом семестра!

— Прекрасно, — буркнул я. — Новый год, новый колледж, новые лица, которые уже полгода как друг друга знают.

Брат вздохнул, поправил очки.

— Паш, не начинай. Тот техникум у завода лишили аккредитации — все разбежались, как тараканы. Тебе, можно сказать, повезло.

— Повезло? — с сарказмом выдохнул я.

Он положил руку мне на плечо, и в его голосе появилась твёрдая, ободряющая нота.

— Повезло, потому что первый курс он везде первый курс. Математика, русский, обществознание — та же школа. Узкопрофильные предметы у тебя ещё впереди. Так что считай это не переводом, а плановым переходом. Держись, браток. Здесь, глядишь, и друзей найдёшь.

И он исчез, оставив за собой лишь эхо хлопнувшей двери. Через минуту снаружи взревел мотор его машины — звук, похожий на истошный вопль, будто металл молил о пощаде каждый раз, когда поворачивали ключ.

Собрав рюкзак, я вышел на улицу. Небо, налитое свинцом, наконец сорвалось в мелкий, настырный дождь. Середина зимы, а вместо снега — эта тоскливая морось. Снегопад здесь был сродни чуду, а дождь — сезонной нормой.

Я поднял капюшон и зашагал к автовокзалу под аккомпанемент падающих с неба струй.

Путь лежал мимо детского сада — унылого бетонного коробка с потрескавшимися и облупившимися мультяшками на заборе. Несмотря на хмурь, за оградой копошилась орава малышей в ярких куртках. Их пронзительные крики и смех пробивались сквозь шум дождя, звуча как что-то чужеродное в этой серой осени.

И сквозь этот общий гам, отчётливо и ритмично, донеслась считалочка. Её выкрикивал хор детских голосов, отбивая ритм по мокрой горке:

*«Раз, два — Теремок!*

*Мышь, закройся на замок!*

*Три, четыре — смотри в окно…*
*Лягушка в луже мертва давно!»*

Я замедлил шаг на мгновение. Странные слова для детской игры. Мрачные. Но дети выкрикивали их с тем же азартом, с каким обычно считают до пяти. Их голоса понеслись дальше, сливаясь в единый поток, из которого я уловил лишь обрывки: *«…дрожи, Зайчишка…», «…Волчий вой…», «…Медведь добычу брать пришёл!»*

Я пожал плечами. Глупая местная дразнилка. Дети бывают жутковаты в своих играх. Капюшон глушил звуки, и вскоре их крики остались позади, растворившись в шелесте дождя.

Кое-как поборов пронизывающий утренний холод, моё сонное тело доковыляло до вокзала. Маршрутка 132 стала ковчегом, увозившим меня от привычного мира. Колледж возникал вдали — одинокий и чёткий, как декорация. Он стоял на границе: уже не в посёлке, но ещё в зоне его видимости, зажатый между бескрайней степью и тёмным лесом. Напоминал кадр из «Закрытой школы», но без глупых кардиганов с гербами — за это можно было сказать спасибо.

Когда автобус замедлил ход, я разглядел рядом с корпусом свежие раскопки. Землю вскрыли аккуратными квадратами, будто перелистывали страницы старой книги. Говорили, здесь нашли скифское поселение и скоро построят музей — чтобы прошлое, выкопанное из этой степи, наконец обрело крышу.

Перед началом первой пары ребятня распласталась по всему коридору, точно муравьиная ферма. Я прошивал толпу, как игла плотную ткань. Моё тело словно стало челноком, который, не разрывая полотно, скользил между нитями чужих судеб и разговоров, оставляя за собой лишь лёгкую рябь недоумённых взглядов.

Проплыв в свою аудиторию, я причалил к одной из задних парт. Аудитория гудела, как улей, где каждая пчела знает свою соту. Всюду вспыхивали улыбки, перебрасывались шутками, делились сплетнями после коротких зимних каникул. Группы уже сложившейся дружбы были видны невооружённым глазом.

Я прибился к дальней оконечности класса. Здесь, склонившись головами, обсуждали патчи и апдейты. Их разговор был мне понятен, как азбука. И всё же, влившись в этот ручей, я ощутил, что вода обтекает меня, не смачивая. Они были компанией, у которой уже были свои шутки, свои тайны, своя история за прошедшие месяцы. А я был белой вороной, прилетевшей посреди сезона. Не чужой, но пришлый. Как если бы все говорили на одном диалекте, а мой голос звучал с едва уловимой, запоздалой интонацией.

Так и прошли все четыре пары.

На каждой перемене мой взгляд сам собой выхватывал из серой толпы одну и ту же фигуру. Её волосы, цвета осенней листвы или медного сплава, будто светились изнутри, когда подхватывали отсветы с потолка. А глаза, тёплые, как янтарь, искрились в лучистой, неровной улыбке — той, что запоминается с первого раза.

На последней перемене я случайно услышал, как эта «лисичка» договаривалась с одногруппниками.

— Я остаюсь на пятую, у нас музыкальный кружок, — голос рыжули оказался таким же живым, как и улыбка, звонким, чуть с хрипотцой.

После четвёртой пары я почти бегом двинулся к аудитории, где должен был собраться музыкальный кружок. У самой двери замер знакомый рыжий силуэт — она стояла ко мне спиной.

Я сделал шаг ближе, и вдруг — удар.

Девушка резко развернулась, и гитара в чехле со всего размаха впечаталась мне в голову. Коридор поплыл перед глазами, распадаясь на три, а то и четыре части. Ноги подкосились, и я рухнул на пыльную советскую плитку.

— Ой… Ой-ой-ой, что же я наделала! — тревожно выдохнула та самая янтарноглазая. — П-парень, ты живой?

Она присела на корточки напротив. Её волосы, будто огненное облако, опалили мне лицо близостью. А её глаза — или мне всё ещё мерещилось их шесть? — пристально изучали моё лицо.

— Моя голова… не сломала твою гитару? — попытался я разрядить обстановку.

Девушка рассмеялась — смех сдавленный, виноватый. Затем протянула руку — и для помощи, и для знакомства.

— Ева! Приятно познакомиться! — выпалила она, почти крича. Было то ли звуковым искажением после удара, то ли просто её манерой.

— Паша! Взаимно! — почти выкрикнул я в ответ.

— Прости, что приложила тебя… Нельзя так со спины подкрадываться, я вся на нервах. Сегодня впервые играю перед группой, — она подвинулась ближе и, поправляя мне волосы, внимательно осмотрела лоб. — Вроде цел… Ещё раз прости. Мне пора бежать!

И её фигура — уже не троящаяся, а одна-единственная, рыжая и стремительная — скрылась в аудитории.

Я медленно поднялся, отряхнулся и решил остаться в коридоре и послушать, как она будет играть.

В аудитории стояла приглушённая тишина, полная ожидания. Ева села на стул, неловко обняла гитару, и на миг её живые, янтарные глаза стали сосредоточенными и отстранёнными. Она сделала вдох — и коснулась струн.

Звук родился нежным и прозрачным, как осенняя паутина. Мелодия лилась неспешно, выстраивая грустный, задумчивый узор — каждый аккорд был похож на шаг по мокрому октябрьскому асфальту. Это была не песня отчаяния, а скорее тихая повесть о чём-то безвозвратном: об ушедшем лете, о несделанном признании, о промелькнувшем за окном поезде. Переборы звенели тонко, почти хрустально, но в их глубине чувствовалась та сдержанная боль, что живёт где-то под сердцем, когда вспоминаешь то, что уже не вернуть.

И всё это время её лицо, обычно озарённое лучезарной улыбкой, было спокойным и серьёзным. Только в уголках губ таилась лёгкая складка сожаления, а ресницы, под которыми прятались те самые «янтарные искры», иногда чуть вздрагивали. Казалось невероятным, что столь живой, пламенный человек хранит внутри эту тихую, пронизывающую грусть и умеет изливать её через струны.

Музыка говорила то, чего не могли сказать слова. И в этой тихой печали была странная красота — как в увядающем листе, в котором ещё живёт память о зелени.

Решительность горела во мне, как тепло в груди. Я зашёл в нашу аудиторию за курткой, и на лице застыла та самая улыбка — глупая, неконтролируемая, влюблённая. Мысленно я уже видел нашу прогулку: тёмную степь за окном, её смех, тишину, которую не нужно заполнять словами.

Накинул куртку, вышел в коридор. Её аудитория была прямо напротив лестничной клетки. Я сделал шаг, и улыбка вдруг застыла, сползла с лица, будто её стёрла чья-то невидимая рука.

У входа стояла Ева. Рядом с ней — парень. Он обнял её за плечи, наклонился и поцеловал — коротко, холодно, будто ставя штамп. Потом властно взял её за руку и повёл вниз по лестнице, не оглядываясь. Она шагала рядом, покорно и тихо.

Они растворились в потоке студентов, направлявшихся к автобусной остановке. Моя решительность осталась висеть в пустом коридоре — ненужная, наивная, разбитая вдребезги.

Внезапно воздух разрезал возмущённый, знакомый голос. Бугай, на вид с третьего курса, тянул свои волосатые руки к чернявой девчонке из моей группы — точь-в-точь как обезьяна, тыкающаяся в клетке. Она отстранялась мягко, без вызова, но он был напористее, грубее.

И тогда между рёбер внутри меня шевельнулось нечто. Не страх — что-то тёмное и злобное, рвущееся наружу, будто тот самый монстр из «Чужого».

Я даже не осознал, что произошло. Только почувствовал резкий толчок — но толкал не меня. Моя собственная рука, будто жившая отдельно, рванулась вперёд и отпихнула здоровяка от неё.

Его густые, почти звериные брови поползли вниз. Девчонка же с любопытством уставилась мне в глаза.

— Отвали, — прозвучал мой голос. Он прогремел в тишине коридора неожиданно громко и злобно.

Бугай опешил. Такая дерзость от тихого первокурсника его не просто удивила — задела за живое. Его лапища мгновенно вцепилась мне в воротник багрового худи, едва не отрывая от пола.

— Слышь, умник, — прошипел он, обдавая запахом дешевого кофе. — Тебе жить надоело?

В ответ моя рука, всё ещё упиравшаяся ему в грудь, вцепилась в его спортивную куртку — тесную, будто на размер меньше.

Чернявая снова попыталась вклиниться между нами, остановить ещё не начавшуюся драку, но я каждый раз отводил её в сторону. Не хватало ещё, чтобы она пострадала из-за моей дурости.

— Выйдем, — продолжал рычать старшекурсник, нависая надо мной скалой. — Я из тебя отбивную сделаю. Родная мать не узнает.

Колени предательски затряслись. От вспышки смелости осталось лишь чадящее пламя, готовое погаснуть от первого дуновения сквозняка. Я уже прикидывал, как прикрою лицо, когда воздух разрезал пронзительный свист.

— Эй, уважаемые, проблемы? — раздался ленивый, но твёрдый мужской голос из конца коридора.

— Да че тут у вас за балаган? — подхватил второй, и звук шагов эхом покатился по пустому холлу.

Два парня со слегка гоноватой внешностью встали по бокам от чернявой, будто охрана. Бугай, оценив численный перевес, брезгливо махнул рукой и отступил.

— А это ещё кто такой? — спросил первый «охранник».

— Принц на белом коне, — ухмыльнулась чернявая, сделав в мою сторону игривый реверанс. — Пока вы оба сиськи мяли где-то.

И они ушли, оставив меня одного в коридоре на четвёртом этаже. За пятнадцать минут внутри меня пронеслась целая буря — ярость, решимость, страх, пустота. Я стоял, понимая, что это только начало. Начало чего — ещё не знал.

# Глава 2. Мышь, лягушка и зайчонок

С той стычки на четвёртом этаже прошло уже дня три. Жизнь вколачивалась в размеренную, унылую колею: пары, обеденные перерывы, дорога домой под вечно хмурым небом. Ничто не нарушало этого сонного ритма.

Разве что чернявая девчонка — та самая, из-за которой всё и вышло — стала чаще поглядывать в мою сторону. Сидела за своей партой, уткнувшись в блокнот, и время от времени её тёмный, изучающий взгляд скользил по мне. Что она там выводила — эскизы, цифры или, возможно, моё имя — было не разобрать. Странная птица.

Еву почему-то перестал провожать тот тип. Что она в нём нашла? Этот вопрос начал тикать в голове, как назойливый метроном.

Чтобы заглушить его, я с головой ушёл в древности. Неожиданным союзником стал колледжский психолог — бородатый, спокойный мужчина по имени Виктор Сергеевич. Как оказалось, он не только вправлял мозги первокурсникам, но и всерьёз участвовал в тех самых раскопках. Мы нашли общий язык: он с удовольствием делился статьями о скифском зверином стиле и его схожести со славянским фольклором, а я слушал, задавая вопросы. В его кабинете, пропахшем кофе и старыми книгами, время текло иначе — мирно, почти по-домашнему.

Логической кульминацией нашего общения стали сами раскопки. Виктор Сергеевич пригласил меня туда, отпросив с пар, и я согласился. Там, среди ям и обломков, он показал мне главную находку — вход в погребальную пещеру на склоне кургана. Перед уходом он сделал на память наше фото. На снимке мы стоим спиной к леску, а за нами зияет тот самый чёрный провал. Кадр получился случайно-символичным, и я попросил прислать его.

Но где-то в глубине, под этим слоем спокойствия, копошилось беспокойство. Оно было смутным, как далёкий гул перед грозой, но не отпускало. И сегодня утром оно материализовалось.

Я шёл к колледжу, кутаясь в куртку от леденящего ветра, как вдруг увидел у главного входа кучку студентов. Они не расходились, замерши перед стеклянной дверью. На ней, прямо на уровне глаз, была наглухо наклеена листовка. Чёрно-белая, без изысков, с одним жирным словом посередине, от которого кровь стыла в жилах:

***«ПРОПАЛ»***

А ниже — расплывчатая фотография и текст, который ещё предстояло прочесть. Утренняя рутина лопнула, как мыльный пузырь, оставив после себя тишину, густую и липкую.

Приглядевшись к фотографии, я узнал парня. Имя под чёрно-белым снимком было выбито, будто на надгробии: *«Алексей Смирнов…»*

Тот самый парень Евы. Мысль ударила снова, эхом.

*«…был одет в тёмно-синюю куртку и узкие чёрные джинсы… При наличии информации обращаться… Лейтенант Петров».*

С этого дня в коридорах колледжа повис страх, густой и липкий, как смола. Толпа стала единым организмом — тяжёлым, дрожащим зверем, чутким к любому шороху.

Среди серых лиц я сразу нашёл её. Ева сидела на своём рюкзаке у стены, всё в той же белой пухлой парке, похожей на шубу с меховым капюшоном.

На её лице не было ни улыбки, ни горя. Лишь пустота. Она словно не замечала одногруппников, которые по очереди пытались то пособолезновать, то подбодрить.

Я не решился подойти.

От этой атмосферы, от сдавленного гула толпы-жертвы, начинала раскалываться голова. Ещё чуть-чуть — и меня стошнит.

Лёгкий толчок в плечо вернул меня в реальность.

— Эй, бордовый! Чего такой кислый? Леденец невкусный попался? — звонко щебетнула та самая чернявая девочка, что вечно выглядывала на меня с передних парт, точно заяц из норы.

Один из её приятелей фыркнул писклявым, глуповатым смешком. Но, возможно, это было как раз то, что мне нужно.

— Да вот, не могу отойти от утренней новости, — сказал я, хотя, откровенно говоря, мне было плевать на того парня. А в глубине души я, возможно, даже радовался, что он больше не прикоснётся к Еве. Нормальны ли вообще такие мысли?

— Забей. Он был тем ещё гандоном. Мир не обеднеет, — без тени сожаления, но честно выдал второй приятель, тот что повыше.

— Такта Серому не занимать, но он в чём-то прав, — парировала чернявая. — Пропал — не значит помер. Нечего горевать раньше времени. Давай лучше с нами в столовку. Поболтаем за баночкой энергоса.

Мы двинулись к одноэтажке с гордой вывеской «У Марины» — здание, изрезанное трещинами, будто еле сдерживалось, чтобы не рассыпаться в прах. Сбоку ютился навес со столиками, смахивающий на дешёвый трактир.

— Слышь, мужики, сигареткой не угостите? — небрежно бросил наш спутник двум первокурсникам за столиком.

Тот, что сидел ближе, растерянно моргнул и молча протянул открытую красную пачку. Наш провожатый аккуратно достал одну сигарету, а затем, не меняясь в лице, просто забрал всю пачку и сунул её в карман.

— Э… — слабо пискнул второй парень, приподнимаясь. — Там ещё половина…

Спутник окинул его ленивым, пустым взглядом. В нём не было злости, только абсолютная уверенность в том, что возражения здесь неуместны.

— Тебе на учёбу завтра рано вставать, — ровно сказал он. — Бросай эту дрянь.

Первокурсник открыл рот, но тут же закрыл его обратно, уставившись в свою чашку. А наш спутник уже отвернулся, будто этот разговор был пустой тратой времени.

Тот, чьи сигареты реквизировали, молча дёрнул друга за рукав. Они, бросив окурки в жестяную урну, поспешили обратно к колледжу.

Мы уселись за свободный столик. Трое — на лавке у стены, я — напротив. Выглядело это как допрос.

— Меня Тиша зовут. Этот писклявый оболтус — Гриша, — она ткнула пальцем в парня справа. — А этот хмурый раздолбай со второго курса — Серый. Мы с ним с одного района, соседи.

— Паша, — буркнул я, пожав каждому руку.

Вот и компания. Гриша сочетал простоватое лицо с дорогой, кричащей одеждой. Серый же полностью оправдывал кличку: всё на нём было серым, потёртым, будто специально подобрано под цвет асфальта.

А вот Тиша… От девочки в ней была только внешность. Держалась она жёстче и увереннее многих пацанов, и низкий рост ей это компенсировал — будто её характер придавал ей лишних сантиметров.

— И всё же дела в посёлке творятся мрачные, бля, — оборвал паузу Гриша, нервно постукивая украденной пачкой по столу. — Хрен поймёшь, че завтра ждать.

— Да что в нашем посёлке случиться может? — спросил я. — Очередной мэр бюджет на парк распилит, либо в детском садике конкурс талантов устроят.

Серый тут же подхватил:

— Ты че, ужастики не смотришь? Инопланетяне всякие в Нью-Йорке высаживаются. А такая мистическая муть — она всегда в глуши, в жопе мира случается. Дядька мой на раскопках вояк каких-то приметил. Камуфляж есть, шевронов нет.

Гриша с энтузиазмом кивнул:

— Да-да! Братец мой говорит, археологи тут жуть какую-то пробудили. Как в этих книжках… — Он тяжело задумался. — Кинга! Вот!

— Чушь! — обрубил Серый. — Пацаны говорят, тут скифские захоронения были. Типа, тела шаманов разрыли — теперь их души мстить всему посёлку будут.

Вдруг раздался до боли знакомый гогот.

— Пацаны, вы себя слышите, блин? — заливаясь диким смехом, в разговор ворвалась Тиша. — Может, вам поменьше фильмов смотреть надо, а то скоро очки напялите и на «Сейлор Мун» подсядете, задроты.

Она перевела дух, и смех пошёл на убыль, сменившись усталой серьёзностью.

— Самые обычные раскопки самых обычных скифских жилищ. А вояки без нашивок, которых твой дядька приметил, — обычные чоповцы. Отвечаю.

Ребята вытащили картонную пачку, и втроём, будто синхронным жестом, достали по белому бумажному цилиндрику. Почти изящно они поднесли их к губам, зажав оранжевые фильтры.

Тиша уже собиралась закрыть коробку.

— Я тоже буду! — остановил я её.

Трое подняли брови в унисон, и на их лицах расползлись одинаковые ухмылки.

— Ты курить-то умеешь вообще, бля? — вломился в тишину Гриша.

— Научусь! — выпалил я, чувствуя, как загораюсь изнутри.

Тиша смотрела на меня с хитрой, лисьей усмешкой и протянула пачку с ярким названием — таким, какое больше подошло бы сладкому коктейлю.

— Держи, — буркнул Серый, всунув мне в пальцы зажигалку.

Я зажал сигарету зубами, с третьей попытки поймал дрожащее пламя. Первая затяжка обожгла горло едкой смесью отвращения и странного облегчения. Когда я выпустил дым, над моей головой взорвался тройной смех — неровный, как хор пьяных. Больше всех выделялся хриплый хохот, похожий на крик чайки.

Тиша смеялась, зажмурившись. И несмотря на всю её пацанскую грубоватость, в ней было нечто очаровательное, какая-то загадка, спрятанная в этих непроглядных чёрных глазах. Что-то, что хотелось разгадывать, даже не понимая зачем.

— Ты… ты… — «чайка», давясь смехом, прервала мои мысли. — Ты втягивай, а не держи во рту, дурачок!

«Дурачок…» — эхом отозвалось у меня в голове. Звучало почти мило.

— Да-да, а то рак губы в два счёта заработаешь, — с напускной серьёзностью добавил Гриша.

Покраснев от всеобщего внимания, я решил сделать всё «как надо». Затянулся глубже — едкий дым прошёл дальше, в самые потаённые уголки лёгких. Отвращение осталось, но к нему прибавилась тяжёлая, ватная пустота в голове. Мозг будто накрыли стеклянным колпаком: мысли замерли, тело перестало слушаться.

— Ой-ой-ой, Пашик, ты только не помри раньше времени, — ухмыльнулась Тиша.

— Тяжёлую же ты первую сигарету выбрал, — констатировал Серый. — Ничего, не парься, скоро отпустит.

Захватив по банке дешёвого энергетика, мы потянулись к колледжу — звонок уже прозвенел, пора было занимать места в аудиториях. Гриша, как и мы с Тишей первокурсник, отправился на обществознание на первый этаж. Мы же с моей новой соратницей — единственной из группы, с кем я мог говорить без внутреннего зажима — поднялись на четвёртый.

У входа в аудиторию нас уже ждал куратор.

— Опаздываем? — с притворной суровостью спросил он, подперев голову ладонью.

— Да, простите, Игорь Вячеславович. Мы решали, что важнее — формальное присутствие или духовное созерцание, — нашлась у меня шутливая отговорка.

Тиша хихикнула. Куратор одобрительно кивнул, уголки его губ дрогнули. Мы сели на свободные места и погрузились в учебный поток.

Вопреки утренним событиям, я чувствовал себя странно воодушевлённым — будто открылось второе дыхание. Была ли эта лёгкость от энергетика, от компании или просто от того, что день наконец приобрёл очертания? Главное, что теперь рядом были живые люди, а не только безмолвные строчки в тетради.

Мысль снова вернулась к Еве. Наверняка она сейчас где-то в полном одиночестве, отрешённая и потерянная. Может, всё же стоит подойти? Провести до дома — стало темнеть рано, да и с её-то парнем такое случилось… Мало ли что.

Я поймал на себе взгляд Тиши. Приподнятая бровь и палец, крутящийся у виска, ясно говорили: «Ты больной, братан». Видимо, я и сам не заметил, как сижу с глуповатой ухмылкой. Я всегда такой, когда думаю о рыжей?

Перед последней парой было окно. Пока Тиша с её телохранителями и ещё парой ребят отправились гонять мяч во дворе, я решил заглянуть к психологу.

— Виктор Сергеевич, к вам можно? — постучавшись, я приоткрыл дверь на втором этаже.

— Паша! Заходи, конечно, — обрадовался он, убирая в сторону карточку какого-то студента. — Кофе предложить?

— Да нет, спасибо, — я показал на банку с энергетиком в руке.

— На отраву перешёл, значит, — с лёгкой шутливой ужимкой заметил Виктор.

Я опустился в кресло напротив. Кабинет Виктора Сергеевича мало походил на стандартный кабинет психолога. Это была скорее келья чудаковатого учёного, переоборудованная под приёмную. Воздух здесь был особенный — пах старыми книгами, кофе и пылью, которую не выгонишь никакой уборкой.

Взгляд сам собой упал на стол. Среди аккуратных стопок бумаг и современных методичек стояла простая деревянная рамка. В ней — выцветшая фотография. Молодой Виктор, почти незнакомый, с густой шевелюрой и без седины у висков, держит за руку маленькую девочку в пёстром платьице. Она смеётся, запрокинув голову. Он смотрит на неё так, будто в его мире больше ничего не существует. Дочь? Он никогда о ней не упоминал. Я отвёл глаза, будто заглянул в чужое окно. Спрашивать не стал — некоторые двери лучше не открывать, даже если они приоткрыты.

Стены же были его настоящей территорией. Они были усеяны тем, что он, видимо, притащил с раскопок, пока это ещё было можно: обломки керамики со стёртыми узорами, слепки странных печатей, листы с прорисовками рун. Это были не музейные ценности, а памятные безделушки — «не шибко важные», как он сам как-то сказал. Но в том, как они были развешаны — не для показухи, а для себя, — чувствовалось глубинное уважение.

И среди этого наследия веков — та единственная цветная фотография на столе. Молчаливая реликвия куда более личной и, возможно, куда более болезненной истории.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.